

СТЕМА
ЕЛЕЕВА

	VII	VIII
1 1.00797 ВОДОРОД	2 4.0026 He ГЕЛИЙ	
6 12.0094 КИСЛОРОД	9 18.9984 F ФТОР	10 20.179 Ne НЕОН
16 32.064 S СЕРА	17 35.453 Cl ХЛОР	18 39.948 Ar АРГОН
23 54.938 Cr ХРОМ	24 54.938 Mn МАРГАНЕЦ	25 54.938 Fe ЖЕЛЕЗО
		26 55.847 Co КОБАЛЬТ
		27 58.933 Ni НИКЕЛЬ

4 КРУГОЗОР 73

H₂SO₄

C-C
-C-C
-H

CO₂

Марк ДОНСКОЙ,
кинорежиссер, Герой
Социалистического Труда

— Какая мука имеет большее право изливаться перед лицом прекрасной природы, чем самая благородная, самая возвышенная и самая индивидуальная из мука — мука любви?..

— Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванные также и полнотой любовной жизни...

— Необходимо, чтобы это чувство, которое дает много радости, связывалось с идейной близостью, со стремлением к единой цели, с борьбой за общее дело...

Люди, произнесшие эти слова, не были собеседниками в прямом смысле. Они не были и поэтами, призванными своим чу-

додейственным ремеслом к воспеванию любви. Но их мысли стали внутренним эпиграфом моей новой работы. Их имена — последовательно: Ф. Энгельс, В. Ленин, Н. Крупская.

О двух прекрасных молодых людях, о их борьбе и любви захотелось мне рассказать — о Надежде Крупской и Владимире Ульянове. Ибо, рассказывая о них, я мог говорить — бескомпромиссно! — о красоте, величии и вечности этого чувства.

Оно вобрало в себя и бури века, его наполняла и борьба за общечеловеческое счастье.

Продолжение на 4-й стр. ▼

**Надежда Крупская и
Владимир Ульянов.**
Фото 90-х годов.

**К этому времени относятся
события фильма «Надежда».**

ВЕЛИКОЕ И ВЕЧНОЕ

Его любимый писатель — Горький. И Чуев нередко припоминает слова литератора: «Где завод — там рабочий класс, где рабочий класс — там жизнь, где жизнь — там поэзия».

Поэзия и рабочая профессия для Чуева понятия близкие, почти синонимы. Ибо, по твердому разумению Алексея Васильевича, рабочий — человек творческий. И если какая-то часть молодежи так не считает, в этом наша общая вина, в первую очередь вина старших, которые не сумели раскрыть будущей смене истинную ценность самой почетной профессии.

Кем обычно хотят стать мальчишки, когда вырастут? В разные времена — разные желания. Чуев с детства мечтал о заводе. Хотел во всем быть похожим на отца, одного из лучших токарей. И когда, окончив семилетку, поступил в ФЗУ, тайком от всех «руки о верстак пачкал», чтобы они были, как у настоящего рабочего. Умолил отца отдать ему старый чемоданчик для инструмента и, на зависть всем мальчишкам, ходил с ним в мастерские — без пяти минут токарь!

Мечта его сбылась в 1932 году, когда он пришел на Балтийский судостроительный, чтобы уже никогда не расставаться с ним. Впрочем, небольшой перерыв все-таки был: война, летное училище, фронт.

Алексей Васильевич не признает и не понимает людей, будь то инженер или рабочий, для которых своя, «интересная» жизнь начинается с включения телевизора или с партии в домино, словом, когда спешковка повешена на крючок. Его жизнь начинается ежедневно с заводской проходной. И каждый день в цехе — будто впервые. Казалось бы, вот простая операция, освоенная Чуевым в совершенстве, — нанесение на трубу резьбы для гайки в полтора метра диаметром и полметра толщиной. Но каждый раз, когда кран медленно опускает гайку над трубой, сердце Алексея Васильевича замирает: сядет, как положено, или нет? Вот гайка навинчена, и лицо мастера светлеет в улыбке — все в порядке!

Каждый день для Алексея Васильевича — это поиск нового, совершенствование старого. Чуев твердо убежден, что у рабочего есть преимущество перед людьми других профессий: он непосредственно ощущает результаты своего труда. Токарь, например, включает станок и видит, как из-под его резца выходит деталь будущего корабля... Не упрощает ли человека такая простота свершений? Чуев уверен: нет! Зримая ответственность за дело рук своих, ежеминутное напряжение дисциплинируют разум и волю. Отсутствие привычки жить в долг делает человека строгим и к себе и к окружающим.

Алексей Васильевич — член Комитета по Ленинским и Государственным премиям, председатель городского Совета новаторов. Свою деятельность в совете Чуев рассматривает как серьезную и ответственную работу по сплочению единомышленников. Он считает, что современный рабочий нуждается в постоянном обмене мнениями и опытом, в обсуждении и проверке открытий, так как рабочий давно уже перестал быть простым исполнителем.

На второй звуковой странице А. В. Чуев делится мыслями о жизни и своем ремесле с молодыми читателями «Кругозора».

Екатерина ЧАКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Кругозора»
г. Ленинград

Токарь
А. В. Чув: *Мы-творцы!*

Герой Социалистического Труда
А. В. Чув среди будущих судостроителей,
учащихся ленинградского ПТУ.
Фото Л. Л а з а р е в а.

...Повысить к концу пятилетки долю синтетических волокон в общем выпуске их до 38 — 40 процентов...

Из «Директив XXIV съезда КПСС по пяти-летнему плану»

Выйди на берег Западной Двины. Остановись. Перед тобой Полоцк. В «Повести временных лет» 864 годом впервые упомянут этот город, эта земля. Именно земля. Город весь новый. Ничего почти не дошло до нас от той древности — разве что стены невероятной кирпичной кладки в четыре-пять метров толщиной, которые лизал огонь, да не сжег, в которые бились тяжелые снаряды, да и завязали там, в глубинах кладки... Сегодня о прошлом рассказывают экскурсоводы.

Остановись, посмотри... Над песчаными обрывами, мимо партизанских лесов петляет бетонка, будто путь машины времени, соединившей столетия за двенадцать минут, отшелканных счетчиком такси. Титановый столб у перекрестка, шесть шаров на нем — символ этилена ($\text{CH}_2=\text{CH}_2$). Это и символ новых времен, и символ города Новополоцка.

Легко раздвинув чашу леса, он взбежал на некрутой берег и понесся вдоль него со своими домами-башнями, широкоформатными кинотеатрами, крытыми бассейнами и кортами... Пятнадцать лет назад здесь

ПЯТИЛЕТКА
ГОДЫ
И МИНУТЫ

Юрий ВИЗБОР,
специальный
корреспондент «Кругозора»

**ОСТАНОВИСЬ,
ПОСМОТРИ...**

На третьей
звуковой странице —
песня-репортаж
Юрия Визбора:
«Город-рабочий, город-боец».

ФОТО
М. Савина,
В. Сакка

не было ничего, вернее, была болотистая пойма Западной Двины, одинокая дорога, известная лишь отчаянным водителям вездеходов, и дощатый барак, на котором было написано: «Нефтестрой — комсомольская ударная стройка». А за перелеском уже подпирали небо трапеции нефтеперерабатывающих установок. Тянулись вверх колонны атмосферно-вакуумных трубчаток... Начало большой белорусской нефтехимии. Крупнейший объект нынешней пятилетки.

Сегодня в городе два самых популярных слова — «нитрон» и «полимир». Их знают все, хоть не все здесь химики или нефтянки. Со словом «нитрон» связано волнующее всех любителей вязания — модной в наше время «спицетерапии» — открытие синтетического волокна, по своим качествам не уступающего шерсти.

В огромном, похожем на ангар для космических кораблей светлом цехе происходит видимое простым глазом чудо: раствор, клубящийся перед небольшой пластиной из золота и платины, так называемой фильерой, выходит из ее отверстий сорока тысячами нитей.

Самым дорогим, капризным оборудованием нитронного процесса владеет молодая коммунист Леонтий Чехонин. Плечи его выдают спортсмена. Но надо видеть, с какой осторожностью и нежностью обращается он с фильерами! Только на свет видны эти сорок тысяч мельчайших отверстий, которые не может сделать ни одно сверло, а под силу это лишь лазеру, управляемому ЭВМ. Если загрязнится хоть одно отверстие — брак. Чистят пластины при помощи мощнейшей ультразвуковой установки, где, как дьявольские глаза, горят оранжевые сполохи возбудителей частоты, а сверхвысокие токи, колеблющие воду, заставляют ее нестись с такой скоростью, что стоит чуть приподнять фильеру, как из всех сорока тысяч отверстий грянет веселый душ...

Пущенный в эксплуатацию намного раньше срока, цех дает столько пряжи в год, сколько могут дать шерсти восемь миллионов овец. Внушительно!

«Полимир-50» — самая мощная в странах социализма установка по производству полиэтилена — еще строится совместными усилиями химиков нашей страны и Германской Демократической Республики. В этом году она должна вступить в строй.

Полтора десятка километров разделяют старый и новый город. Со временем, очевидно, исчезнет грань между двумя людскими поселениями, одно из которых много веков стояло на защитных рубежах нашей земли, а другое не слышало ни единого выстрела. Но юное население Новополоцка знает, какой ценой далась стране мирная жизнь. Не случайно в одной из танковых частей Советской Армии есть боевая машина под названием «Белорусский нефтяник», построенная на средства от собранного комсомольцами металлолома. На ней проходят службу молодые полотчане. Они никогда не забудут той военной судьбы, которая выпала на долю их города: 162 тысячи жизней потерял Полоцк за три года оккупации.

В ночь со второго на третье июля 1944 года в 158-м гвардейском полку 51-й гвардейской дивизии было объявлено: требуются добровольцы...

Остановись, посмотри: река, мост, берег. Это святые места. Бывшее поле брани. Адрес великого ратного подвига, продолженного в труде нашего поколения.

Белорусская ССР,
г. Новополоцк

Таким предстает ночью Новополоцкий комбинат. Те, кто его строил, работают сейчас в цехах нефтепереработки, у пультов управления производством полиэтилена, в лаборатории. Парни с комбината служат в танковой части, где есть боевая машина «Белорусский нефтяник».

ВЕЛИКОЕ И ВЕЧНОЕ

...Человек стал человеком тысячелетия назад. Но путь от пещеры к кабине межпланетного корабля — это не только история технических открытий и научного прозрения. Истинность цивилизации — в революционном совершенствовании социальных институтов общества. А высота цивилизации может быть отмерена на нравственной шкале человеческих отношений, исповедуемых обществом.

О, сколько раз во время моих путешествий по миру я думал о том, что в сфере морали, в сфере духовной жизни современный обыватель вновь ползет к пещере, прихватив с собой новейшие образцы электронного оборудования своей квартиры где-нибудь на 5-й авеню или в предместье Осло! Художника не могут не волно-

вать противоречия между высотой технической организации жизни и низинами нравственных принципов, куда толкает человека так называемый «свободный мир». Применительно же к нашему обществу это забота о повседневности высокой морали, неотторжимой от общей философии коммунизма.

Философия, эстетика любви — вот что занимало меня в фильме «Надежда».

Годы юности моих героев — годы философских трансформаций в сознании российского общества. Это приход марксистской философии, преобразовавшей мир социально и нравственно. И нравственная жизнь моих героев — это нравственное бытие рождающегося мира.

Два локатора есть у человека, воспринимающего искусство: локатор сердца и локатор ума.

Я мечтаю о том, чтобы, выходя из зрительного зала, сегодняшние ровесники молодых Надежды Крупской и Владимира Ульянова прежде всего локатором сердца уловили насущнейшую для себя жажду взаимопонимания и чистоты в любви, глубокого уважения друг друга, вер-

ности идеалам и верности чувству. Тогда локатор ума примет и смысл многозвучного наполнения жизни героев фильма.

Да, коммунизм не сообщество механистических аскетов. «Битвы революций посерьезнее «Полтавы» и любовь погранично-онегинской любви...»

Если кто-то из зрителей нашего фильма посвятит любимой строки, подобные тем, что я приведу ниже, я буду счастлив: «Ты вся предо мной, как живая, я ношу тебя на руках, покрываю поцелуями с головы до ног, падаю перед тобой на колени... Я люблю тебя сильнее, чем любил когда-то венецианский мавр...»

Так писал К. Маркс своей жене в Трир 21 июня 1856 года.

И еще одно. О грандиозном рассказывать трудно. В молодости, когда мы бодем и всей собственной «генеральствости», нас не смущают трудности избрания единственно верного языка для передачи сути. С годами, когда, как отбодившая короста детскости, отпадает с души шелуха формализма, вопрос «как?» встает перед художником во всей многомерности своего смысла. И тут для меня компасом была ленинская мечта писать о самом сложном так, чтобы это было понятно всем рабочим. Я постарался сейчас рассказать о сложном просто.

Так перейдем на звуковую страницу. Я проведу вас по некоторым кадрам фильма, который ставился по сценарию З. Воскресенской и И. Донской. Назову и исполнителей: Н. Крупская — Н. Белохвостикова, В. Ульянов — А. Мягков, отец Крупской — В. Озеров, Г. Кржижановский — М. Ножкин. Вступим же в мир героев ленты «Надежда».

На сьемках фильма «Надежда». Фото И. Гневашева и А. Конькотина

Бродя по разным
ясновозрастных парка или в
михайловских рощах, каждый
из нас, не сознавая в этом
самому себе, с тайной
надеждой всматривается
в окружающий его пейзаж —
не мелькнет ли на повороте
тропы знакомая фигура человека, обессмер-
тившего эти места...

В Щелькове я всегда ловлю себя на
том, что несколько бы не удивился, встре-
тив на каком-нибудь изгибе вертлявой
речки Куекши странцо по тепереш-
ним временам одетого человека — «в ру-
башке навывпуск, шароварах длинных са-
погах, серой коротенькой поддевке и шля-
пе с широкими полями». Так описы-
вает А. Н. Островского в его любимом Щель-
кове артист К. В. Загорский.

1 мая 1848 года, переехав Волгу в Ки-
нешме и удалившись от нее верст на
пятнадцать к северу, великий драматург
впервые увидел Щельково. Нельзя без
волнения читать его дневниковую запись:
«Первое и самое сильное чувство, кото-
рое производят на меня эти красоты, —
для меня болезненно, мне тяжело, мне
надобно облегчить свою грудь, надобно
поделиться с кем-нибудь этими неотступ-
ными впечатлениями... Если бы этот уезд
был подле Москвы или Петербурга,

он бы давно превратился в бесконечный
парк, его бы сравнили с лучшими места-
ми Швейцарии или Италии... А какой на-
род здесь!..»

В 1868 году Островский откупил у ма-
чехи отцовское имение. «Будучи корен-
ным и оставаясь постоянным жителем
Москвы, где его все знали, горячо лю-
били и искренне гордились им, он тем
не менее каждым летом оставлял ее для
милого и родного Приволжья», — писал
об Островском другой его современник.
Подсчитано, что драматург провел в этих
местах в общей сложности более се-
ми лет своей жизни. Семь лет и еще три
последних летних дня 1886 года — до утра
14 июня, когда силы оставили его над
рукописью перевода шекспировской дра-
мы «Антоний и Клеопатра».

Литературоведы прямо связывают Щель-
ково с такими шедеврами русской словес-
ности, как «На бойком месте», «Беспри-
даница», «Лес», «Снегурочка». Извест-
но, как трудно входили в жизнь эти пье-
сы. Сперва бранили «Лес» и «Беспридан-

ницу», а потом — каждую новую вещь, но
уже с оговоркой, что Островский испи-
сался, что никогда больше не создаст
он равного «Лесу» и «Бесприданице».
Не оставаясь безучастным к нападкам
критиков, придворкам цензуры, драматург
отстаивал свою позицию. «Автор броса-
ет мысль в народ, в чуткий элемент, —
говорил он, — и то, что простые люди
услышат, разнесется далеко...»

Сейчас в Щелькове музей А. Н. Остров-
ского, и место это ничем не отличается от
других культурно-исторических мест — в
смысле кропотливой работы сотрудников
и энтузиастов по сохранению памяти
о великом писателе и пропаганде его твор-
чества. Но есть одна черта, выде-
ляющая Щельково среди всех «литератур-
ных» уголков.

Актеры из «Дома Островского» когда-то
сделали Щельково почти постоянным при-
станищем для летних вакансий. Сюда при-
езжали Пров Садовский, Пашеина, Са-
шин-Никольский, Турчанинова, Рыжова...

Сейчас на территории заповедника рас-
положен Дом творчества Всероссийского
театрального общества. Я знаком со мно-
гими людьми, просто не мыслящими себе
жизнь без Щелькова, без того живитель-

ного эмоционального заряда, который так легко здесь получаешь за месяц и который питает потом тебя целый год. Щельковцы — актеры, врачи, инженеры, физики — ходят на поклон к своим любимым страницам природы: в Ярилину долину, к Голубому ключику, где по преданию бьется сердце Снегурочки, в Долину эха, в Зачарованный лес, где огромные замшелые стволы сосен возвышаются над ковром серебряного мха...

Два старых щельковца — художник В. С. Максимов и бывший ученый секретарь Третьяковской галереи А. Г. Нордкин — ведут фотолетопись Щелькова. Некоторые их работы мы воспроизводим здесь.

Главное ощущение Щелькова — это чувство полного слияния с родной землей, растворения в ней. Как точно выразил эту любовь, живущую в теперешних ревнителях Щелькова, их замечательный предшественник: «Природа делается понятной, все мельчайшие подробности, которых бы прежде не заметил или считал лишними, теперь оживляются и просят воспроизведения...»

Олег ДМИТРИЕВ

На звуковой
странице —
три
поколения
знаменитых
актеров
Малого театра
в пьесах
А. Н. Островского.

Максим Горький:
«Глубокая жизненная правда
его творчества не стареет».

К 150-ЛЕТИЮ А. Н. ОСТРОВСКОГО

ЭТИ НЕОТСТУПНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

*Более полувек
отделяет нас
от событий,
рассказанных
в воспоминаниях
Маршала Советского Союза
Семена Михайловича
Буденного.
Командующий
легендарной Первой Конной,
выдающийся
советский военачальник,
он прошел
завидный воинский путь
вместе с армией
трудового народа,
служению которой
посвятил всю свою
сознательную жизнь.
Родина
отметила этот путь
тремя золотыми звездами
Героя Советского Союза.
В апреле
нынешнего года
Семену Михайловичу
исполнилось
девяносто лет.*

С. М. БУДЕННЫЙ

Три дня корпус стоял под Воронежем, ожидая наступления противника. А наступления все не было. Многие командиры, выражая общее настроение бойцов, требовали контрнаступления. Приходилось либо вновь разъяснять причины нашего ожидания, либо читать строгие нотации не в меру горячим головам. Наконец я вынужден был вновь созвать совещание командиров и политработников, чтобы подтвердить свое решение и обосновать его новыми данными, добытыми разведкой корпуса...

На этом же совещании кем-то было внесено предложение, вызвавшее всеобщее одобрение, — написать письмо генералу Шкуро...

Письмо писали все, как в свое время казаки турецкому султану, не стесняясь в выражениях, не придерживаясь дипломатических тонкостей.

Если исключить некоторые чересчур красочные выражения, то содержание письма было примерно такое:

«Завтра мною будет взят Воронеж. Обязываю все контрреволюционные силы построиться на площади Круглых рядов. Парад принимать буду я. Командовать парадом приказываю тебе, белогвардейский ублюдок. После парада ты за все злодеяния, за кровь и слезы рабочих и крестьян будешь повешен на телеграфном столбе там же, на площади...

ВЗЯТИЕ ВОРОНЕЖА

На звуковой странице — фантазия на темы песен о Первой Конной: «Там вдали, за рекой», «Красная кавалерия», «Красная Армия всех сильней», «По военной дороге» (композитор В. Махлянкин).

былинники речистые

Мой приказ объявить всему личному составу Воронежского белогвардейского гарнизона. Буденный».

...Отвезти письмо взялся один из наших лихих храбрецов, Олеко Дундич...

В Воронеже с письмом генералу Шкуро Дундич, переодевшись в форму белогвардейского офицера, поехал вечером. Он благополучно добрался до штаба Шкуро, передал письмо дежурному офицеру, а затем объездил весь город, изучая систему обороны противника. Но это относительно спокойное путешествие не могло удовлетворить Дундича. Он вернулся к штабу Шкуро и запустил в небо две ручные гранаты. Началась невообразимая паника. Белогвардейцы мчались со всех сторон ловить диверсанта. А «диверсант» в офицерской форме носился среди белых и во все горло кричал: «Лови! Держи!» Наконец Дундичу надоело гоняться самому за собой. Он подскакал к участку обороны противника, занимаемому буржуазными ополченцами, и закричал: «Это вы, грабы титулованные, пропустили красных диверсантов! А ну посторонись, вороны!» И растерявшиеся добровольцы пропустили «сердитое благополучие».

Не знаю уж, повлияло ли на Шкуро наше письмо, рассяпанное на то, чтобы привести его в ярость, но он, как и ожидалось, решил воспользоваться тем, что Конный корпус выдвинулся вперед с открытым флангом...

Годы моей жизни и история Первой Конной армии переплелись. Теперь на юбилеях Первой Конной боевые знамена вносятся в зал под мой марш, и это мой праздник. А появился он вот как.

Январь 1920 года. Ростов-на-Дону. Зима там обычно мягкая. А тут вдруг метели. Да какие! Богатая рождественская публика веселилась на Садовой. И тут хлоп ее известием — «Буденный наступает! Фронт прорван!» Все сразу притихли... Но слух сменился новым, как капризная погода. Мальчишки-газетчики забегали по улицам, выкрикивая: «Сообщения с фронта! Буденный разбит! Красные отброшены на сто километров». На домах запестрели обращения денкинского командования: «Его превосходительство заверяет: Ростов не будет сдан».

Мне было двадцать. И никому не было нужды в моей музыке. Я шел по Ростову, прижимался к стенам домов и заборам и чувствовал себя совсем-совсем одиноким. Я спешил к другу, поэту Д'Актилю. У него тоже было и голодно и холодно. Но там были родные люди, и там меня всегда ждали... Мы грелись у примуса и слушали, как поет метель.

На четвертые сутки нашего ожидания, когда дождь перестал и на смену ему пришла теплая погода, а с нею и плотные, непроглядные туманы, Шкуро перешел в наступление... Сильный туман не позволял ни нам, ни противнику применять пулеметы и артиллерию, поэтому бой с первых же минут принял характер ожесточенной сабельной рубки. Зажатые с фронта и тыла, белые не выдержали натиска наших частей и в панике побежали в направлении Воронежа, бросая застрявшую в грязи артиллерию, пулеметы, санитарные линейки. Однако лошади противника измученные ночным маршем по тяжелой дороге, уже не могли соперничать в резвости с лошадьми наших бойцов. Путь отступления белоказачков был устлан их трупами...

Ровно в 6 часов утра 24 октября дивизия Конного корпуса ворвалась в Воронеж. Одновременно вошла в город и 12-я стрелковая дивизия... С победой под Воронежем обстановка начала резко меняться в пользу советских войск. Под уг-

розой оказывались важнейшие железнодорожные артерии и тылы белых...

Уже после гражданской войны, на УШ съезде Советов, в личной беседе со мной В. И. Ленин спросил:

— Вы понимаете, что ваш корпус сделал под Воронежем?

— Разбил противника, — ответил я.

— Так-то просто, — улыбнулся Ленин. И тут же сказал:

— Не окажется ваш корпус под Воронежем, Деникин мог бы бросить на чашу весов конницу Шкуро и Мамонтова, и республика была бы в особо тяжелой опасности. Ведь мы потеряли Орел. Белые подходили к Туле.

Так оценивал Владимир Ильич значение побед Конного корпуса над Шкуро и Мамонтовым в общем ходе борьбы с денкинцами...

Чтобы как-то оправдать своих битых полководцев, белые распустили слух и даже печатали в газетах, что Шкуро и Мамонтова разбил бывший генерал, чуть ли не сподвижник Скобелева.

— Пришлось, батенька, опровергать, что Буденный не генерал, а всего лишь вахмистр, — улыбаясь говорил мне Ленин в упомянутой уже беседе на УШ съезде Советов.

Я в шутку поблагодарил Владимира Ильича за производство меня в вахмистры.

— А вы что, не были в этом звании?

— Как же, временно исполнял обязанности вахмистра.

— Главное, — сказал Ильич, — иришло время, когда и люди из простого народа бьют буржуазных генералов. Пусть это чувствуют империалисты. Вы преподнесли им хороший урок.

И вдруг наутро... Так бывает только в кино: по Таганрогскому проспекту (теперь Буденновскому) спокойно разъезжают красивые конники — такие орлы, такие богатыри русские. И захотелось нам с Д'Актилем написать для них песню... Сначала появилась мелодия, а к ней уже слова:

Мы — красная кавалерия,

И про нас

Былинники речистые

Ведут рассказ...

Просто, торжественно и в духе времени, как и должно быть в песне. «Художественный совет», как теперь говорят, состоял из С. М. Буденного, К. Е. Ворошилова и Е. А. Щаденко. Песню приняли сразу, и Семен Михайлович заметил, что она хорошо «под коня подойдет».

Очевидно, мы попали в точку. В массовой песне необходима актуальность, точность адреса и конкретность образных характеристик. Тогда она станет голосом времени и... переживет его.

Дмитрий ПОКРАСС, композитор

НУЖНАЯ ЛЮДЯМ, КАК ВОДА

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

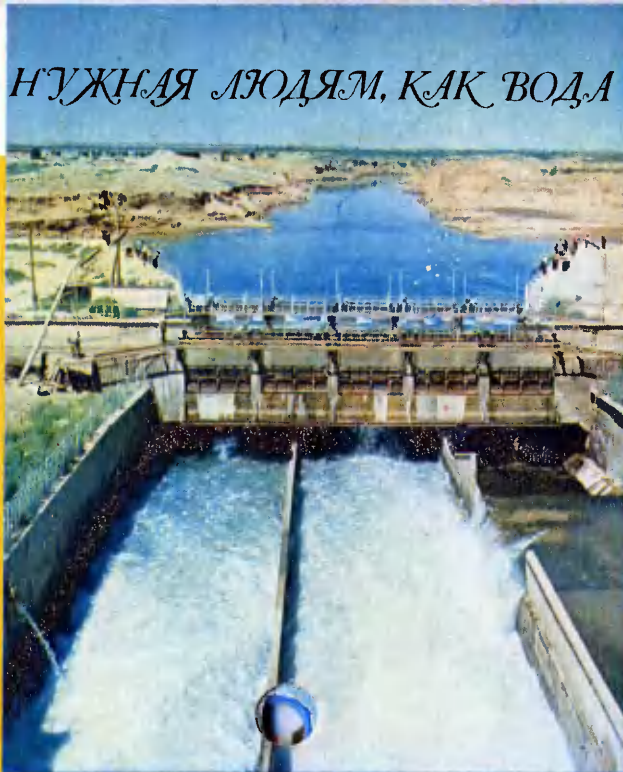
«Когда птица летит через Каракумы, она теряет перья, когда кулан идет через Каракумы, он теряет ноги», — говорит туркменская пословица.

Продолговатые, похожие на гандбольный мяч душистые дыни, янтарный виноград, белый снег хлопка — дары земли Туркмении! И вместе с тем — захлестнувшее ее, бесконечное песчаное море Каракумов.

Двести лет назад известный просветитель Востока Махтумкули мечтал о том, как «молыга застучит в пустыне — и влага наконец придет». И вот эта пора настала, возвестив о себе гулом бульдозеров и скреперов, разноязыким говором строителей, начавших тянуть 1500-километровый Каракумский канал...

Мурад Садыков, с детства мечтавший стать певцом, все же не стоял перед выбором — кем быть? Профессия гидротехника казалась ему единственно желанной и необходимой. После окончания Туркменского сельскохозяйственного института имени Калинина он занялся орошением засушенных земель.

Когда вступила в строй третья очередь Каракумского канала и по нему полетели ремные су-

да, когда зашвели сады на сотне тысяч гектаров земли, Мурад Садыков пришел в Ашхабадское музыкальное училище на вокальное отделение.

— Переход из инженеров в певцы, — говорит Садыков, — для меня был естественным: ведь песня так же нужна людям, как и вода.

Профессиональным певцом он стал сравнительно недавно — в 1966 году, после участия в Московском конкурсе на лучшее исполнение советской песни. Теперь Мурад Садыков — солист Туркменского радио и телевидения. Ему аплодировали в Канаде на «ЭКСПО-67», в Софии на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов, любители песни в Венгрии... Он дал «путевку в жизнь» многим песням Кутлиева и Агаджикова, Нурымова и Халмамедова...

Но об этом я узнал не от него. От него, когда мы встретились в Москве, я узнал, что сейчас завершается еще одна очередь Каракумского канала.

— Приезжай к нам в Туркмению, увидишь чаек, — сказал Мурад, угощая меня знаменитой туркменской дыней.

— В пустыне? — удивился я.

— Да. Чаек над Каракумским каналом.

П. ЕРМИШЕВ

Фото Л. Раскина,
Е. Соловьева

На звуковой странице
Мурад Садыков исполняет
«Утренний ветерок»
Р. Кутлиева и К. Сейтлиева
и «Случайный вальс»
М. Фрадкина и Е. Долматовского

Петря ДАРИЕНКО

Мужская дружба

в клятвах не нуждается,

Ей вообще шумиха не нужна.

Не крепнет оттого,

что «обмывается»,

А крепнет

в испытаниях она.

Не может быть

сплошного мая месяца,

Бывает в жизни

разная пора —

То льют дожди,

а то и вьюга бесится.

Такая,

что не выйдешь со двора.

Я уважаю медицину.

верю ей,

Но понял я,

при этом не вчера,

Что может дружба

исцелять уверенней.

Чем лучшие на свете доктора.

До звания твоего,

до положения

Ей, дружбе настоящей,

дела нет.

И не имеет для нее значения —

Министр ты,

шахтер

или поэт.

Лишь те пускай друзьями

называются.

МУЖСКАЯ ДРУЖБА

Бывают

в мирной жизни

испытания,

Что тяжелее бед

военных дней.

Хоть сердце

не осколком мины ранено,

Но рана

той осколочной

больней.

В любой беде

не расстаню с надеждою,

Но для меня

страшней самой беды

Увидеть,

что ко мне дорожку снежную

В тот день

ничья не тронули следы.

Кто дружбу

каждый день умел беречь.

Не тот,

кто к вам на кладбище

является

И произносит трогательно

речь.

Такую дружбу

отвергаю начисто,

Не подаю руки

таким друзьям.

В себе замечу

если эти качества,

Гоню их прочь,

гоню ко всем чертям!

Перевел с молдавского

Петр Градов

певец представляет песню

Ой, летели дики гуси,
Ой, летели они в дождь.
Перышко на двор упало,
Поверье спрятаю в траву...
— Поэтично, правда? — говорит молодая украинская певица Нина Матвиенко. — Конечно, мы ищем в песне музыку прежде всего, но и поэзию также. Тот поэтический, висящий где-то далеко в небе гул. Помните тоголевское: «Вся Украина заенит песнями». Вот это поэтико-мелодическое, ласковое начало, идущее от народного песенного языка, сумели ощутить и расслышать композитор Игорь Поклад и поэт Юрий Рыбчинский. Я старалась передать дыхание напева...

У микрофона «Кругозора» певец Анатолий Горохов:

— Песня, которую я пою, понравилась мне, если можно так сказать, с первого взгляда. Я познакомился с ней в тонстудии «Мосфильма». Шла запись фонограммы фильма «Бой после победы». Музыка Александра Флярковского и слова Леонида Дербенева я воспринимаю как единое целое, настолько они точно дополняют друг друга... Кинопесня — жанр особенный. Она действующее лицо в фильме, создает образ, настроение. Порой герой поет просто так, ни к кому не обращаясь, и в то же время всегда для всех сидящих в зале. В этом одновременно и творческий интерес и трудность для исполнителя.

ФИЛИМОН И БАВКИДА

Юрий НАГИБИН
Из маленькой повести

...А было так. Все еще находясь под угрозой демобилизации, он пытался вернуться на фронт через Главное политическое управление. И вот, выходя после очередного уклончивого ответа из подъезда на улицу Фрунзе, он столкнулся с какой-то девушкой. Шагнул в сторону и вновь наскочил на нее. Он буркнул: «Извините!» — и снова уперся в тонкую, стройную фигурку. Он знал, что значит психопатология обыденной жизни, такая вот довольно распространенная уличная неловкость, когда двое прохожих начинают топтаться друг перед другом, мешая пройти, и разолился на себя. Но после новой тщетной попытки разминуться с облегчением понял, что не виноват, это девушка затеяла игру. Он вынырнул из своего душевного подвала, взглянул ей в лицо и не сразу, а через ощутимые мгновения — череда воспоминаний: море, сведенная нога, каньоны, пыльный вагон, обрез вокзальной платформы, слипшиеся от слез ресницы — узнал Таню.

— Боже мой, Таня, это вы?

Она ответила кивком головы и взмахом ресниц: да, я.

И тут он на миг усомнился в этом. Повзрослевшее лицо ее совсем не походило на тугой детский мячик, оно опало, побледнело, смягчилось угол крепких скул, да и весь абрис женственно помягчал, лишь золотистые глаза в длиннющих, пушистых, «махровых» ресницах остались теми же — юными, ясными, добрыми.

— Какими судьбами? — В руках у нее был небольшой, туго набитый портфель. — В институт?.. Из института?.. В библиотеку? — Он молот языком, чтоб заглушить поднявшуюся в нем непонятную боль.

Она смотрела на него с улыбкой. И вообще-то молчаливая, она не пыталась прервать это словозвержение.

— Как вы повзрослели! Вы были тогда еще школьницей. Нет, что я говорю! Вы учились в техникуме. Учились и работали. И собирались поступать в педагогический? Верно? — Он спрашивал и сам отвечал: — А жили вы вдвоем с теткой. Видите, я все помню. И спасение на водах тоже помню!..

— Что с вами? Как вы? — произнесла она тихим и каким-то сострадающим голосом.

Он даже чуть отшатнулся — интонация словно подразумевала, что она знает о его неудачах. Да нет, откуда ей знать. Палочка в руке, хромота, одинокая звездочка на погоне — все это не могло служить приметам успеха.

— Да вот, — сказал он с неловкой улыбкой. — Кутузова из меня не получилось... Филимона тоже, — добавил он, тускло радуясь, что второй образ до нее не дойдет.

— А может, дело в Бавкиде?

— Что вы знаете о Бавкиде? — пробормотал он.

— Ничего.

— Откуда вы знаете, что я был женат?.. Собственно, не был, а есть... Хотя, по правде, я уже и сам не знаю... — Он запутывался все больше и, разозленный, сказал почти грубо: — Вам что-нибудь известно о моей жене?

— Нет.

- Почему же вы сказали о Бавкиде?
- «Филимон и Бавкида». Мы проходили.
- Ну, и что с того? Почему вы решили, что она виновата?
- Конечно, она.
- Почему не я?
- Вы — нет! — Она сделала рукой жест, словно защищалась от пущенного в лицо снежка. — Вы — праздник!

Петров расхохотался. Он отчетливо видел себя всего, как будто перед ним держали зеркало, отражающее не только его внешнюю, но и внутреннюю суть. Он так мало стоил в собственных глазах, так неценен был и себе и другим во всех измерениях и плоскостях, что неожиданное уподобление его празднику вызвало в нем почти болезненный приступ смеха.

Она терпеливо смотрела, как он смеется, чуть покачиваясь верхней половиной туловища, как вытирает слезы носовым платком, а потом сморкается в тот же платок, прячет его в карман и, обессиленный, успокаивается.

И вот так устроен человек, особенно когда человек молод и душа не высохла в нем, как осенний лист: из своего смеха Петров вернулся другим. Не то чтобы он поверил в себя, как в праздник, но некая иная возможность его образа забрезжила ему. Этой девушке не было никакой нужды лстыть ему, говорить неправду. Преувеличивать немного — другое дело. Она расположена к нему, их короткая давняя встреча запомнилась ей добром... Впервые за многие месяцы младшего лейтенанта что-то отпустило внутри.

- Давайте я вас провожу, — предложил он.
- Я только сдам книги, — сказала Таня.
- Я подожду вас:

Она благодарно провела узкой рукой в перчатке по обшлугу шинели. Он хотел попросить ее идти не очень быстро, но она сразу и естественно пошла ему в шаг.

Он настроился на длительное ожидание возле серых стен студенческой библиотеки, но она вернулась тотчас же — сдала книги и не стала заказывать новых.

Они пошли по вечернему улицам. Она держала его под руку, и маленькая ее рука нагрела ему локоть через сукно. Для всех людей получение взаимной информации — путь к сближению. Любвному, дружескому, соседскому или деловому! Но Таня не нуждалась в каких-либо сведениях, кроме тех, которые не создавались из самого присутствия человека, и не считала нужным что-либо сообщать о себе. В этом была мудрость: важна живая суть человека, а не то, что он о себе думает. Ведь, если всерьез, не бывает объективной передачи фактов, а лишь замаскированное, более или менее, отношение человека к этим фактам, иначе — к самому себе. И колы факты лично тебе неизвестны, то и о человеке ты тоже ничего не знаешь. А если тебя в самом деле интересует человек, из его молчания, отрывистых, чисто бытовых слов, равно как из всплесков сиюминутного чувства, жестов, походки, взглядов, улыбок ты знаешь неизмеримо больше о нем, нежели из самой подробной анкеты или рассказов о тех обстоятельствах жизни, которые тебе начисто неизвестны.

Но, увы, далеко не сразу осознал он Танину правоту. А до того долго и деланно рассуждал о месте человека на вой-

не, нарочито бесстрастно и полуискренне говорил об отношении с женой, приведших к разрыву. Таня не помогла ему ни одним вопросом, ни словом оценки, согласия или несогласия. Ей вполне хватало зримой очевидности: его хромоты, палочки и свободы, позволяющей шататься по городу и не спешить к другой женщине.

«Скрытная она, что ли?» — удивлялся Петров, злясь на свою болтливость, отнюдь не чрезмерную, если бы у него был собеседник. Но Таню и вообще так не назовешь, она — сомолчалица. «Ну, а замолчи я тоже? Так и будем вышагивать Москву, словно за похоронными дрогами?» Но проделать опыт он не решился.

А Таня вовсе не была скрытной, на каждый в лоб поставленный вопрос она отвечала с легким вздохом — прямо и четко. Родители умерли. Давно. От скоротечной чахотки. Брат пропал без вести. Ее тетка — старая дева. Они живут вдвоем. В институт она пошла не по выбору, а куда легче поступить.

Все эти сведения ни на волос не приближали его к Таниной сути, но удержаться было выше его сил.

- А разве вы не могли избрать специальность по влечению сердца?
- Нет.
- Почему?
- Мое сердце не влечет ни к одной специальности.
- Но к чему-то вас все-таки влечет?

И спокойно повернув к нему лицо с пушистыми ресницами, сейчас белыми от снежинок, она сказала:

— К вам.

И тут он, наконец, заткнулся из уважения к ее признаку и познал благодать молчания.

Как же прекрасна тишина, возникающая между двумя! Они шли вдоль Москвы-реки, останавливаясь, и смотрели на черную дымящуюся воду, кое-где прихваченную у берегов желтоватым льдом. Перед ними медленно всплывали в темнеющее небо аэролаты воздушного зграждения, и казалось, им тяжело и страшно подниматься туда, в пустоту над крышами и трубами, они по-осиному складывали толстое тело. И глубокий, почти нетронутый был голубоватый снег на тротуаре вдоль кремлевской стены, а на проезжей части набережной изжеван до асфальтовой протемы шинами и гусеницами военной техники. И не по-городскому сахаристо белел снег на ветвях деревьев и в зубцах крепостной городьбы...

Потом они миновали стену Китай-города и через Китайский проезд вышли на площадь Ногина, отсюда плетением каких-то переулков, припахивающих ладаном из действующих церквей, вышли на Яузский бульвар и совершили восхождение к площади Пушкина. Этот путь Петров всегда считал «восхождением», хотя на самом деле ты совершаешь спуск. Но путь к памятнику Пушкина для настоящего москвича может быть только путем наверх.

И когда они подошли к Таниному дому в начале Большой Бронной, ему казалось, что он много, очень много узнал о своей спутнице, хотя редкий словесный перебор касался лишь обстава долгой прогулки. Нет, еще выяснилось, что тетку, с которой она живет, зовут «тетя Голубушка»...

«...Кирстен Флагстад — это певица, владеющая всеми тайнами вокального мастерства. У нее поразительной красоты голос — большого объема, яркий, сверкающий, полетный. Поет она всегда с огромным воодушевлением и эмоциональной отдачей. Ее стихия — оперы Вагнера, в которых у нее нет соперниц на современной сцене... И все же для того, чтобы познать самое сокровенное в ее искусстве, послушайте, как она поет не Изольду в «Тристане» или Брунгильду в «Валькирии» Вагнера, не Леонору в «Фиделио» Бетховена, а песни норвежских композиторов и столь горячо любимого Грига. И вам откроется то, что, может быть, не всегда достаточно ясно проступает за медным панцирем вагнеровского оркестра — душевная просветленность, нежная мечтательность, хрупкость и сердечная открытость, столь свойственные искусству Флагстад. Она художник-лирик с поразительной силой поэтического воображения».

Так писал о Флагстад один из ее соотечественников. Действительно, в истории вокального искусства XX века певице принадлежит одно из первых мест. Она из тех выдающихся художников, над которыми время оказалось не властно. В декабре прошлого года исполнилось десять лет, как артистка ушла из жизни, но интерес к ее искусству продолжает расти. Переиздаются многочисленные записи певицы, многие из которых вошли в сокровищницу вокальной культуры нашего времени, ирричем ее фонографическое наследие за минувшие годы обогатилось дисками, которые ранее не были знакомы любителям музыки и хранились в архивах.

Дочь дирижера и пианистки, Кирстен Флагстад уже в шесть лет пела песни Шуберта, в тринадцать знала наизусть партии Амды и Эльзы, в восемнадцать дебютировала в оперном театре в Осло. Это было в 1913 году. Выступление юной певицы прошло с большим успехом, и были все основания надеяться, что уже в скором времени она приобретет имя и известность.

Однако этого не произошло. В течение двадцати лет Кирстен пела главным образом у себя на родине и в Швеции, и,

МАСТЕРА ОПЕРНОЙ СЦЕНЫ

хотя репертуар ее был достаточно велик и разнообразен (38 ролей в операх и 30 — в опереттах), никто за пределами Скандинавии ее не знал.

Стремительный взлет к вершинам славы она совершила с середины тридцатых годов, когда выступала в нью-Йоркском театре «Метрополитен-опера». Дебют состоялся в сезон 1934/35 года. Шла рядовая репетиция вагнеровской «Валькирии». Артистам театра предстояла встреча с новой Зиглиндой, приглашенной на один сезон специально для участия в опе-

рах Вагнера. Певице в ту пору было уже под сорок, и никто не ждал какого-либо открытия. Но уже с первых минут репетиции произошло невероятное. Голос Флагстад заполнил весь зал, покая мягкостью и силой. От неожиданности дирижер Артур Боданки выронил дирижерскую палочку, а Поль Альтхауз, исполнявший партию Зигмунда, заслушавшись голосом Зиглинды, пропустил свое вступление.

Певица на многие годы стала ирримой труппы, и дирекция «Метрополитен-опера»

По просьбе
читателей

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ

дважды нарушала давнюю традицию — открывать сезон какой-либо итальянской оперой, начиная его вагнеровскими спектаклями с Кирстен Флагстад в главной роли. Затем последовали триумфальные выступления в лондонском «Ковент-Гарден», Венской государственной опере, парижском театре «Гравд-опера», сразу же выдвинувшие Флагстад в число самых выдающихся певиц. Голос ее легко выносил огромные нагрузки, которые могли бы оказаться непосильными и для гораздо более молодой певицы. Так, в Лондоне в 1949 году (Флагстад тогда уже было 54 года) она в течение недели пела в трех операх — «Валькирии», «Зигфриде» и «Гибели богов».

А в 1952 — в 1953 годах певица уже прощалась со сценами театров, где она еще недавно блистала.

Последнее концертное выступление Кирстен Флагстад состоялось в 1957 году в лондонском «Альберт-холле». Она пела песни Грига и закончила выступление одним из своих шедевров — романсом «Люблю тебя».

Почти все лучшие записи Флагстад были сделаны в последний период ее артистической карьеры. С некоторыми из них знакомы и наши любители музыки, в частности с полными записями опер «Золото Рейна», «Тристан и Изольда» Вагнера, «Дидона и Эней» Пёрселла, фрагментами из «Валькирии», песнями Вагнера на стихи Матильды Везендонк.

Говоря о Кирстен Флагстад, нельзя забыть и ее музыкально-общественную деятельность. Именно ей удалось воплотить в жизнь мечту многих поколений норвежских музыкантов — основать в 1959 году Национальный оперный театр в Осло. До этого времени столица Норвегии не имела постоянной оперной труппы. Флагстад была первым директором театра. Это тоже замечательный памятник творческой личности Кирстен Флагстад — музыканта, художника, человека.

Всеволод ТИМОХИН,
музыкальный обозреватель

На звуковой странице Кирстен Флагстад поет романс «Одинокому» Э. Грига и арию Реши из оперы К. Вебера «Оберон».

Франсис Ле, песни которого получили у нас широкую известность после выхода на экраны французского фильма «Мужчина и женщина» режиссера Клода Лелюша, стоит особняком среди бесконечного количества французских композиторов-исполнителей. Не окончив никаких специальных музыкальных учебных заведений, он, однако, самостоятельно и весьма профессионально разрабатывает в своих песнях сложные ритмы и тонкие гармонии, не прибегая, как многие его коллеги, к услугам специалистов-аранжировщиков. Мелодии его по своему интонационному складу и причудливый, но легко воспринимаемый ритм всегда ярки, броски и «привязчивы».

Франсис Ле родился в Ницце в 1932 году. Он очень рано научился играть на аккордеоне, который весьма удачно трансформировал в чисто джазовый инструмент. Свою профессиональную музыкальную деятельность он начал как аккомпаниатор певца Клода Гоати, люминца южнофранцузской публики, а затем обос-

новался в Париже. Там он познакомился с поэтом Бернаром Димеем, с которым написал первые свои песни, с успехом исполненные известными артистами Жюльетт Греко и Мулуджи, а также ныне популярной, тогда начинающей, певицей Жаклин Данно. Впоследствии он вступил в творческое содружество с поэтом Пьером Бару и теперь работает почти всегда с ним.

Но настоящей большой успех пришел к композитору после его работы в кино (песни «Бадададада» и «Любовь намного сильнее нас» из фильма «Мужчина и женщина», музыка к фильму «История любви»). В своих изящно гармонизованных песнях для кино Ле делает удачную попытку органического синтеза стиля «босса-нова» и современного джаза. Им написана музыка к сорока фильмам.

Песни Франсиса Ле исполняются популярными артистами — Николь Круазель, Франсуазой Арди (в фильме «Круги по воде»), Мирей Матье (в фильме «Майерлинг»). Время от времени он, не будучи выдающимся артистом, и сам выступает на концертной эстраде, блестяще аккомпанируя себе на аккордеоне. «После других —

почему нет?» — говорит он, и публика тепло встречает своего любимого композитора, снисходительно прощая ему актерские и вокальные погрешности.

Так что же такое «Бадададада»? Рождение и жизнь любви объяснимы лишь звуками, неподвластными земным словам, как бы отвечает на этот вопрос композитор.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Кадры из фильмов «Мужчина и женщина» и «История любви».

1. На пороге нового века. Фонофильм «Надежда».
2. Токарь Алексей Чуев: рабочий — творец или исполнитель?
3. Цена жизни. Песня-репортаж Юрия Визбора.
4. Пластинка поэта Андрея Вознесенского.
5. Театр «Кругозор»: А. Н. Островский на сцене Малого. Г. Федотова в «Василисе Мелентьевой», А. Яблочкина и В. Рыжова в «Лесе», В. Пашенная и Н. Соловьев в пьесе «На бойком месте». Комментирует М. Садовский.
6. Песни Первой Конной.
7. Репетирует Кирилл Кондрашин.
8. Поет Кирстен Флагстад (Норвегия): романс Э. Грига и: ария Реции из оперы К. Вебера «Оберон».
9. Мурад Садыков исполняет «Утренний ветерок» и «Случайный вальс».
10. Певец представляет песню. Нина Матвиенко: «Ой, летели дики гуси»; Анатолий Горохов: песня из кинофильма «Бой после победы».
11. Мелодии фильмов «Мужчина и женщина» и «История любви».
12. Никола ди Бари (Италия): «Песня цыгана» и «Любовь».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грампластинки
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

**ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ**

На первой странице
обложки:

«В мире профессий.
Химики».
Рисунок художника
Г. Басырова

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, 113326
Пятницкая, 25
Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
28. 11. 1973 г.
Б 04218
Подписано к печ.
15. III 1973 г.
Формат
60x84 1/12.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 286. Цена 1 руб.

Орден Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типографии
газеты «Правда
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Говорят, профессия дирижера — самая загадочная из всех музыкантских. Несомненно, часть слушателей ощущает некоторую таинственность, такое дирижерское «колдовство», свершаемое в присутствии зала и оркестра.

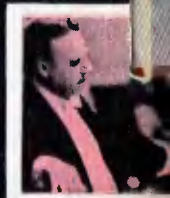
Но ведь существует и другое, слушательское же: «Иду слушать такого-то в Брамсе,

или Бетховене...». Именно — не «иду слушать Третью симфонию Брамса», а иду слушать, допустим, Мравинского в Третьей Брамса... Или — Светланова в Рахманинове... Или Рожественского в Прокофьеве.

Стало быть, тот или иной дирижер интересуется публику в сочетании с каким-либо композитором или сочинением? Нет, скорее речь идет о самом целом в творческом облике дирижера — об индивидуальности его. И в этом смысле вы идете слушать определенного дирижера. Искусство дирижера сложено из ансамбля элементов, которые предстают перед вами как нечто неразъемное. Зрение и слух публики объединены. Она видит, как «правая рука показывает рисунок, а левая — краски» (по определению выдающегося французского дирижера Шарля Мюшпа), но ощущает неизмеримо большее — музыку в целом, согретую сердцем и освещенную мыслью одного музыканта, управляющего сотней других. Это авторская музыка дирижера, даже если он досконально следует замыслу композитора. А вот рождение интерпретации, то есть индивидуального прочтения, — сложный, подчас очень длительный творческий процесс, как правило, скрыто от зала. Потому и «колдовство» дирижера остается для слушателя загадкой...

Тем более, что мы, слушатели, не видим еще такого существенного момента, как выражение глаз, мимика лица дирижера. Правда, в последние годы телевидение и отчасти кино помогают нам в этом. Крупный план кино или телевидения словно бы расшифровывает взгляд дирижера, в котором мы «читаем» его чувства и мысли в момент рождения музыки. И все-таки... Все-таки — terra incognita, неведомая земля.

Кое-что для расшифровки специфики этой «загадочной» профессии может дать подмозговая репетиция — черновая работа дирижера с оркестром, когда сочинение еще только читается с листа, отрабатывается с различными группами музыкантов. «Кругозор» приглашает вас послушать фрагмент репетиции выдающегося советского дирижера, народного артиста СССР Кирилла Петровича Кондрашина. Вместе с оркестром Московской филармонии Кондрашин работает над

7
В ЛАБОРАТОРИИ МУЗЫКАНТА

...СЛУШАТЬ КОНДРАШИНА

Наталья ЛАГИНА

первой частью Четвертой симфонии Густава Малера. Это не первая репетиция, не впервые Симфонический оркестр Московской государственной филармонии обращается к музыке этого композитора.

И все же может показаться, что перед музыкантами впервые раскрылись ноты, что именно на наших глазах прорисовываются линии этой удивительной музыки и из пицикато струнных или пианиссимо кларнетов возникает мысль, чувство, весь ее сложный эмоционально-драматический строй.

Фото А. Лагина

Малер — это композитор Кондрашина. И не только Малер. Шостакович, Прокофьев, Стравинский, Бетховен, Моцарт, Бах... Имена говорят за себя сами. Трудности перед исполнителем эти композиторы ставят гигантские — и технологические, и эмоциональные, и философские...

Кондрашин склонен к музыке философского склада, музыке больших страстей и мыслей. Вы слушаете прелестную, обаятельную до соблазна музыку экспозиции Четвертой симфонии Малера. Но не знаете еще, что безмятежность эта обманчива, что вдребезги разрушатся идиллические мечты легковесного героя симфонии. Малер как бы утешает его.

Сочувствие к страдающему — кредо композитора, который говорил, что всю жизнь писал музыку, словно бы отвечая на вопрос Достоевского: «Как я могу быть счастлив, если рядом со мной еще страдает человек?!»

И потому в кажущуюся гармонию начала Четвертой врывается и горечь, и сарказм, и внутренняя насмешка над самим собой. Но эти трагические «намеки» не должно нарочито подчеркивать — к ним слушатель придет постепенно, став «сопереживателем» малеровского героя. И потому столь трудна и филигранна работа дирижера и оркестра — не выявить раньше времени то, что должно «взорваться» в скерцо и финале... Партитура построена так, что большой состав оркестра звучит камерно. Крайне трудоемкая задача, и здесь Кирилл Петрович Кондрашин — удивительный мастер оркестрового колорита.

...В один прекрасный день каждый из нас открывает своих любимых исполнителей. Тот день, когда я, например, открыла для себя Евгения Светланова, был для меня связан с «Псковитянкой» в Большом театре, а затем — с «Симфоническими танцами» Рахманинова. В тот день, когда я открыла для себя Кирилла Кондрашина, — это было уже давно, в начале пятидесятых годов, — он дирижировал оперой Сметаны «Проданная невеста» в Большом. Потом — Первый международный конкурс имени Чайковского, увенчанный поразительным дуэтом оркестра и Вана Клиберна в Третьем концерте Рахманинова. Говорили: Кондрашин — мастер аккомпанемента. Но только ли аккомпанемента? Для меня это всегда диалог дирижера с ком-

позитором, диалог чуткий, умный, тонкий. И, быть может, свежесть искусства Кондрашина в том, что он никогда не повторяет себя даже в давно исполненном и найденном. Я бы сказала, что это всегда — дирижер-премьер, ибо ощущение первооткрытия музыки никогда не покидает тех, кто ходит постоянно «слушать Кондрашина». На звуковой странице — фрагмент Четвертой симфонии Г. Малера (запись репетиции).

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Италия

Никто не знает его настоящей фамилии. Он известен миру как Никола ди Бари. И только так. Сам он говорил по этому поводу: «Раньше, когда известность еще не пришла ко мне, никого не интересовало мое подлинное имя и биография. Я не обижаясь. Но теперь действительно я Никола ди Бари. И не хочу быть никаким другим».

Весной 1971 года ди Бари уверенно победил на фестивале в Сан-Ремо, получив абсолютное большинство голосов. Пеппино Гальярди, Нада, Джанни Моранди, Доменико Модуньо — все эти фавориты итальянской песенной эстрады на сей раз вынуждены были довольствоваться более скромными местами.

Но, оказалось, певец думал о большем. «Самая заветная моя мечта, — сказал он в Сан-Ремо журналистам, — победить на конкурсе эстрадной песни Эдинбургского фестиваля искусств. А там, конечно же, будет тяжелее...»

Да, там было тяжелее. И тем не менее в Эдинбурге Никола ди Бари вновь победил. Это второй случай за всю историю эстрадной песни.

Родился певец в городе Бари на юге Италии, и в точном переводе фамилия его звучит: Никола из Бари. Биография — традиционная. Бедная семья. Ранние заботы о куске хлеба. Труд с детских лет. И песни. Он странствовал по Италии в ежегодных кантаджиро (песенных турне). Выезжал за рубеж. Был и в Москве. Но мало кто запомнил этого невысокого, в то время совсем молодого, худощавого парня в очках. Тогда все аплодировали Рите Павоне. Ему же предстояло еще шесть лет ждать своего часа... 1971 год сделал Николу ди Бари самым знаменитым эстрадным певцом Италии. Теперь все спрашивают: в чем секрет?

Никола ди Бари ни на кого не похож. И в то же время он как бы один из нас. Вот он вышел из зала, заняв у соседа гитару. И запел. В такой простоте, искренности, его секрет. Человек хочет петь. И поет. Потому что не может не петь.

Александр МАРЬЯМОВ

Цена 1 руб.